

Эта вилла отличалась от той, где жил Хуа Мао, и была выдержана в чисто европейском стиле. На крыше располагался небольшой сад, но растения явно не получали должного ухода, их лишь поддерживали в живом состоянии.

Хуа Мао всю дорогу ублажал Кэ Маньцин, вызывая у неё звонкий смех. Чунмин, наблюдая за этим, не мог скрыть восхищения. Ему даже захотелось записать всё, чтобы позже изучить. Он мечтал, что если бы обладал такими же навыками общения, как Хуа Мао, то, возможно, Сяофан не бросила бы его.

Старый монах дал ему подзатыльник:

— Смотри под ноги!

Чунмин споткнулся. Шествуя вдоль стены, он не заметил маленький мячик, который чуть не раздавил. Подняв его, он отодвинул в сторону.

Пёстрый мячик явно был детской игрушкой. Чунмин чуть не забыл, что у Кэ Маньцин есть четырёхлетняя дочь. Наверное, это её игрушка.

Пытаясь встать, он вдруг встретился взглядом с парой больших чёрных глаз. Приглядевшись, он увидел маленькую девочку, худенькую и миниатюрную, сидящую на полу с тряпичной куклой в руках. Она смотрела на него через щель в двери, не отрывая взгляда.

Чунмин улыбнулся ей, предположив, что мячик случайно выкатился из комнаты.

— Вот, держи, — он подкатил мячик к девочке.

В этот момент Кэ Маньцин, шедшая впереди, услышала шум и обернулась. Её улыбка мгновенно исчезла.

— Няня Ван, Няня Ван! — крикнула она с ноткой раздражения. — Что происходит? Я же просила присматривать за ней! Где все?

Чунмин посмотрел на раздражённую Кэ Маньцин, затем на девочку, сидящую неподвижно, как кукла, и нахмурился.

Няня Ван поспешно поднялась наверх и начала извиняться:

— Простите, простите! Я убиралась на кухне, но перед тем как уйти, заперла дверь. Не знаю, как она вышла.

С этими словами она вошла в комнату, взяла девочку на руки и закрыла дверь.

Чунмин нахмурился ещё сильнее, а в глазах Хуа Мао появилось недоумение.

Кэ Маньцин, увидев, что дверь закрыта, снова улыбнулась:

— Прошу прощения, что вам пришлось увидеть это. — Она вздохнула, и на её лице появилась тень печали. — Вы, наверное, знаете, какая у меня ситуация. Я долго ждала беременности, но родила девочку. Мой муж всегда мечтал о сыне. Ну, девочка так девочка, но у неё ещё и аутизм. Ей уже четыре года, а она почти не говорит. Муж её совсем не любит. Почему моя судьба такая тяжёлая?

Глаза её наполнились слезами, и она выглядела крайне трогательной.

«Аутизм?»

Чунмин оглянулся на закрытую дверь, вспомнив пустой взгляд девочки, и в его сердце зародилось сочувствие.

Хуа Мао небрежно успокоил её несколькими словами.

Вскоре они поднялись на крышу. Старый монах, поддерживая ложь Хуа Мао, взял чётки и встал на самом высоком месте, делая вид, что осматривает дом Хуа Мао.

Чунмин стоял рядом, притворяясь любопытным.

Хуа Мао же притворился, что интересуется растениями на крыше, и, показывая Кэ Маньцин то одно, то другое, постепенно отдалился от них.

— Учитель, всё готово, — Чунмин помогал следить за обстановкой.

Они пришли сюда, чтобы сделать доброе дело, но почему-то чувствовали себя ворами.

Старый монах тихо произнёс «Амитофо», перебирая чётки и бормоча что-то под нос.

Но не успел он произнести и нескольких слов, как на крыше подул ветер. Невидимая холодная аура распространилась по воздуху, создавая липкое ощущение удушья. Внезапно горшки с цветами на балконе взорвались, и осколки земли полетели в сторону Чунмина и старого монаха.

— Ах! — Кэ Маньцин вскрикнула, укрывшись в объятиях Хуа Мао и дрожа от страха. — Что происходит?

Хуа Мао тоже испугался, забыв даже оттолкнуть её.

— Пф-пф-пф! — Чунмин тряхнул головой, стряхивая землю с волос, и с укором посмотрел на старого монаха.

Тот заметил неладное раньше и, не говоря ни слова, использовал Чунмина как щит, так что тот оказался весь в грязи.

— Кхм, — старый монах легонько отряхнул свою одежду, сохраняя вид мудреца. — Амитофо, не тревожьтесь. Это просто высвобождение злой энергии. Я только что осмотрел крышу и обнаружил, что её фэншуй противоречит тому, что я устроил для дома Хуа Мао. Я устранил злую энергию, и если это вас напугало, приношу свои извинения. Я могу устроить новый фэншуй на вашей крыше, чтобы укрепить ваши отношения и принести удачу в рождении детей. Что вы на это скажете?

Кэ Маньцин была полностью ошеломлена. Она смотрела на старого монаха с удивлением и почтением, кивая головой:

— Хорошо, хорошо, спасибо вам, мастер.

Теперь она смотрела на Хуа Мао по-другому. Кто говорил, что третий сын семьи Хуа знает только развлечения? Если он смог пригласить такого мастера, значит, он не так прост.

С этими мыслями она мягко опустилась в объятия Хуа Мао, принимая самую красивую позу и с восхищением глядя на него:

— Маньцин обязана вам, Хуа Шао. Как же я могу отблагодарить вас?

Чунмин широко раскрыл глаза. Что за ситуация? Неужели Кэ Маньцин не боится, что её муж узнает об этом?

Хуа Мао, однако, понимал её мотивы. Судя по его расследованиям, Чжан Кунь, тот самый внебрачный сын, явно охладил к Кэ Маньцин. Несколько дней назад он видел его с другой женщиной на руках.

Вероятно, Кэ Маньцин сама это понимала и теперь пыталась «переключиться» на другого. Но Хуа Мао не был тем, кто поддаётся на красоту. Он тут же оттолкнул её:

— Благодарность не нужна. Просто следуйте указаниям мастера.

Ловко переведя тему на старого монаха.

Тот сохранял вид мудреца и начал вещать:

— Для устройства этого фэншуй потребуется лунный свет. Поэтому вам придётся оставить крышу открытой сегодня ночью.

Кэ Маньцин с обидой посмотрела на Хуа Мао, но не сдалась, улыбнувшись и поправив волосы:

— Конечно, конечно. Сегодня ночью я буду ждать вас, Хуа Шао, сколько бы это ни потребовалось.

Хуа Мао дёрнул уголком рта.

Выйдя из дома Кэ Маньцин, Хуа Мао содрогнулся.

— Чжан Кунь совсем потерял вкус. Кого он только находит! Настоящий глупец с деньгами!

— Чжан Кунь? Муж Кэ Маньцин? — спросил Чунмин.

— Какой там муж, — Хуа Мао усмехнулся. — Чжан Кунь женился шесть лет назад. Она просто называет его так в частном порядке. Если бы она осмелилась сделать это на публике, Чжан Кунь был бы первым, кто её остановит. Он ведь внебрачный сын, и его признали в семье Чжан только из-за его покойной матери. Ему повезло, что он женился на сильной женщине. Если бы не её поддержка, он бы уже давно спал на улице со всей своей семьёй, разбрасывая деньги, как дурак.

Он покачал головой:

— Вот ведь люди — никогда не бывают довольны. Дома у него прекрасная жена и дети, а он всё равно таскается на стороне, думая, что жена ничего не знает. Если он когда-нибудь её действительно разозлит, ему не поздоровится.

Чунмин не понимал:

— Если он её не любит, почему бы не развестись? — В его понимании, если мужчина заводит любовниц, значит, он не любит свою жену. Если не любит, зачем оставаться в браке? И его жена, зная, что муж ей изменяет, почему продолжает этот брак?

Хуа Мао засмеялся, похлопав его по плечу:

— Маленький мастер, ты ещё слишком молод. Брак — это не так просто. Ты думаешь, его жена не хочет развода? Или Чжан Кунь не хочет? Они не могут развестись, даже если хотят.

— Почему? — Чунмин не мог понять. Сяофан не любила его, а любила А Чжана, и потому ушла к нему. Он не мешал и не разрушал их отношения. Если нет чувств, зачем держаться вместе?

Хуа Мао, видя, что он действительно не понимает, объяснил прямо:

— Чжан Кунь, хотя и внебрачный сын, был признан семьёй Чжан. Те, кто ниже, должны уважать его. Кроме того, второй сын семьи Чжан благоволит ему, и многие стараются угодить. Его жена, хотя и из влиятельной семьи, не имеет связей. Только с помощью Чжан Куня она может развивать свой бизнес. Поэтому, даже если между ними нет чувств, разорвать отношения не так просто.

Он смотрел на Чунмина с выражением, будто говорил с ребёнком:

— Разве ты не слышал поговорку? Любовь — дело двоих, а брак — дело двух семей.

Чунмин задумался. Неужели его отношения с Сяофан потерпели крах, потому что они были решены двумя семьями, а не ими самими? Неужели это и есть свобода любви?

У автора есть что сказать: Три главы для вступления в VIP опубликованы.

<http://bllate.org/book/16737/1539964>